

ВОИНСТВУЮЩИМ МАТЕРИАЛИСТ

m

III

Книгоиздательство „МАТЕРИАЛИСТ“ Москва

15
91-32

ОБЩЕСТВО ВОИНСТВУЮЩИХ МАТЕРИАЛИСТОВ

П 9141/III

ВОИНСТВУЮЩИЙ МАТЕРИАЛИСТ

СБОРНИКИ

· КНИГА ТРЕТЬЯ

Книгоиздательство „МАТЕРИАЛИСТ“
МОСКВА — 1925

мы можем с полной убежденностью сказать, что, несмотря на все преследования, наше движение растет с каждым днем. Разумеется, наши потери при этом неисчислимы.

День *1-го мая* принесет с собой новые успехи, но будет также стоить и новых жертв. В этот день наши товарищи удвоят свою энергию, чтобы постоять за дело пролетариата. Но и полиция удваивает свои удары, чтобы сослужить службу реакции. Это печально, но неизбежно.

Не забывайте ваших русских братьев, борющихся при столь тяжких условиях, и имеющих своим врагом не только капитализм, но и царизм, сильнейший оплот европейской реакции. Будем помнить сегодня о борцах, которые, несмотря на все трудности и жертвы, не успокоятся до тех пор, пока не победят этого врага.

Да здравствует социал-демократия!

Да здравствует день 1 мая!

Г. Плеханов.

„Vorwärts“ № 117 от 1 мая 1900 г.

Начало социал-демократического движения в России *).

Систематическая пропаганда социал-демократических идей в рядах русских революционеров началась только летом 1883 г., когда в Женеве образовалась первая русская социал-демократическая группа „Освобождение Труда“. Первым литературным произведением этой группы была брошюра автора этих строк — „Социализм и политическая борьба“.

Вполне понятно, что эта брошюра предназначалась для распространения в России и должна была по пути туда преодолеть все препятствия, которые русское правительство ставило на пути проникновения подобного рода литературных произведений (да, собственно, и сейчас еще ставит, несмотря на пресловутый манифест от 30/17 октября 1905 г.).

Но как ни велики были эти препятствия, главное затруднение, которое новой группе необходимо было преодолеть, было дру-

---

*) Перевод Ф. Коган-Бернштейн,

гого рода. Оно состояло в упорной предубежденности огромного большинства тогдашних русских революционеров против всего того, что связано было с именем социал-демократии.

Эта предубежденность была хорошо известна Марксу и Энгельсу. Когда Аксельрод и я, вскоре после парижского международного конгресса, в 1889 году, в Лондоне, встретились с Энгельсом, он нам заметил, что, пожалуй, было бы осторожнее с нашей стороны, если бы мы не называли себя социал-демократами. „Подумайте о том,—прибавил он,—что и мы сначала называли себя не социал-демократами, а коммунистами“. Однако мы были убеждены в том, что сумеем заставить умолкнуть все клеветы против социал-демократии, распространявшиеся ее „социально-революционными“ противниками. Кроме того, название социал-демократ имело в наших глазах немалое практическое значение: если русский сознательный пролетарий будет называть себя социал-демократом, то он легче поймет, что речь идет о его идейных единомышленниках, когда он будет читать в газетах об успехах социал-демократии в соседней с нами Германии. Сведения об этих успехах проникали даже в находящуюся под гнетом цензуры русскую печать. Мы изложили Энгельсу наши соображения, и он нашел их основательными.

Чтобы объяснить немецкому читателю происхождение предубеждения русских революционеров против социал-демократии, я вынужден дать характеристику обоих течений, существовавших в нашем движении до образования группы „Освобождение Труда“. Одно из этих течений связано с именем П. Л. Лаврова, другое— с именем М. А. Бакунина. Что касается Лаврова, то он всегда относился с большим уважением к Марксу и Энгельсу и никогда не выступал ни против социал-демократии вообще, ни против германской социал-демократии в частности. Но он никогда также не защищал ее от нападок анархистов. „Друг Петр“,—как называл его Энгельс в одной из своих, направленных против него, статей об эмигрантской литературе в газете „Volksstat“— был эклектиком до мозга костей и не в состоянии был занять определенной позиции в Интернационале в борьбе бакунистов с марксистами. В своей газете „Вперед“ он наивно сокрушался о том, что социал-демократы не идут рука-об-руку с анархистами. Эти смешные lamentации по поводу борьбы социал-демократов с анархистами и послужили

поводом к вышеупомянутой полемической статье Энгельса в „Volksstaat“.

Лавров обеими ногами стоял на почве утопического социализма. Его взгляд на историю был чисто идеалистический. В его многочисленных социалистических произведениях нет ни одной попытки дать анализ тогдашних экономических отношений России. Его тактика главным образом упиралась в пропаганду „чистого социализма“. Всякая мысль о революционной пропаганде пугала его, как опасное отклонение от мирной пропагандистской деятельности. Этой причины вместе с его неисправимым эклектизмом было совершенно достаточно, чтобы его влияние на русскую революционную молодежь быстро пришло к концу ¹⁾. И по мере того, как падало влияние Лаврова, росло влияние Бакунина.

Если Лавров не считал нужным анализировать экономические отношения России, то Бакунин, считавший себя сторонником исторического материализма, положил этот анализ в основу своей программы и тактики. Несчастье заключалось только в том, что его анализ не имел ничего общего с материалистическим пониманием истории.

Он исходил из коммунистических тенденций, якобы присущих русскому народу и получивших будто бы свое выражение в великорусской крестьянской общине. Для того, чтобы эти коммунистические тенденции привели к богатым результатам, надо было только разрушить государство, которое являлось помехой на пути к дальнейшему развитию общины. Поэтому, Бакунин объявил беспощадную войну государству, не делая при этом различия между полицейским государством России и „правовыми“ государствами Запада. Более того: он был того мнения, что введение конституционного строя в России принесет только вред народу, так как конституционный строй расчистит путь для свободного развития капитализма и тем самым ослабит коммунистические тенденции крестьянства.

Революционерам следовало разрушить государство. Для того, чтобы подготовить народ к разрушению государства, революционерам надо было его воспитать. Лучшим воспитательным средством в глазах Бакунина являлась постоянная агитация,

¹⁾ Тогдашние революционеры рекрутировались почти исключительно из рядов студенческой молодежи.

сопровождаемая небольшими „путшами“. Но для того, чтобы вести агитацию, надо было исходить не из принципов „чистого социализма“, пропагандой которых занимались сторонники Лаврова, а из „ближайших нужд и непосредственных требований“ народной массы.

Эти взгляды Бакунина сделались учением народников-бунтарей, господствовавшим над умами русских революционеров во второй половине семидесятых годов прошлого столетия.

Мы видели, таким образом, что „бунтарство“ (народничество) в отношении своего идейного содержания хромало на обе ноги. Но бунтари имели большое преимущество: они были энергичными людьми дела. И чем настойчивее они пытались осуществить свое дело, чем больше энергии они проявляли при своей агитации в народе, тем отчетливее выступало непримиримое противоречие между логикой их учения и объективной логикой русской общественной жизни.

Будучи верны заветам Бакунина, они хотели бороться с „государством“. Но в России им приходилось бороться не с государством, как с таковым, не с понятием государства, а с конкретным русским полицейским государством. Поэтому их агитация, вопреки Бакунину, считавшему всякую „политику“ изменой революции, неминуемо приобретала определенно политический характер. Логика общественной жизни вынуждала русских революционеров делать то, что им, с точки зрения их теорий, представлялось изменой.

Мало того. Наши „бунтари“ возлагали свои надежды на крестьян, которых они считали коммунистами по природе. Пролетариат промышленных центров интересовал их только постольку, поскольку он мог помочь сохранить или восстановить связь с деревней. Те же элементы его, которые всецело утратили эту связь, представлялись им чисто отрицательным общественным явлением—печальным продуктом разрушения старых экономических „основ“ народной жизни. Но деревенский „коммунист по природе“ оставался глух ко всем революционным призывам, между тем как промышленный пролетариат уже тогда проявлял большую готовность к ним прислушиваться. Так произошло то, что люди, считавшие своей исключительной задачей вести агитацию в крестьянстве, с удивлением заметили, что серьезные успехи они могут отметить только в среде рабочих.

Логика общественных отношений и здесь находилась в резком противоречии с логикой „бунтарской“ доктрины.

Но и это еще не все. Доктрина „бунтарей“ гласила, что освобождение народа могло быть делом только самого народа ¹⁾. Но революционная агитация, наталкивавшаяся на огромные политические затруднения, все более и более вырождалась у нас в так называемый терроризм, т.-е. в поединок горстки готовых на все революционеров с правительством. Освобождение народа стало делом не самого народа, а небольшой группы заговорщиков. Тогдашние западно-европейские социалисты, с Марксом и Энгельсом во главе, видели в русском терроризме блестящее выражение силы революционного движения в России, в действительности же терроризм был признаком слабости его. Русские революционеры возвели террор в систему только тогда, когда они убедились в невозможности поднять немедленно крестьянскую массу на борьбу с государством. Титаническая энергия террористов была поистине энергией отчаяния.

Достаточно было нескольких лет агитационной практики, чтобы от теории „бунтарей“ не осталось камня на камне. Наши тогдашние революционные теоретики, к числу которых принадлежал и пишущий эти строки, запутывались в безнадежных противоречиях. Этих противоречий нельзя было преодолеть, не сломав хребта самому бакунизму.

Но это было нелегко. Русские революционеры слишком срослись со старыми теориями.

Начались усиленные попытки заштопать все прорехи старой теории; с особым увлечением занялся этим Лев Тихомиров, бывший тогда одним из выдающихся публицистов партии „Народной Воли“, а ныне сделавшийся главным редактором архи-реакционной газеты „Московские Ведомости“. Однако не все могли удовлетвориться „улучшенной“ таким образом теорией. Это в особенности трудно было для тех, кто в силу своего нелегального положения должен был покинуть Россию и получил возможность ближе познакомиться с западно-европейским научным социализмом.

---

1) Такой вид принял тогда в России известный тезис Интернационала, согласно которому освобождение рабочих должно быть делом только самих рабочих.

К числу тех, кто находился в таком положении, принадлежали Вера Засулич—одна из основоположниц нашего терроризма, которая, однако, никогда не признавала его единственным средством борьбы,—затем П. Аксельрод, Л. Дейч, В. Игнатов и я. Каждый из нас привез с собой из России опыт, приобретенный в течение нескольких лет революционной агитации, и более или менее ясное сознание того, что этот опыт находился в резком противоречии с теорией „бунтарей“. Это сознание было особенно мучительно, и каждый из нас испытывал настоятельную потребность привести в порядок свои революционные идеи. Сначала мы были рассеяны по разным странам Зап. Европы; но достойного внимания то, что как бы мы ни были удалены друг от друга—так, например, Аксельрод жил некоторое время в Яссах, а я—в Париже, наши умственные взоры всегда устремлялись в одном и том же направлении,—в направлении социал-демократической теории, т.-е. марксизма. Тот, кто не жил в то время, с трудом может представить себе, с каким жаром набрасывались мы на социал-демократическую литературу, среди которой произведения великих немецких теоретиков занимали, конечно, первое место. И чем больше мы знакомились с социал-демократической литературой, тем яснее становились для нас слабые места наших прежних взглядов, тем правильнее преображался в наших глазах наш собственный революционный опыт. Лично о себе могу сказать, что чтение „Коммунистического Манифеста“ составляет эпоху в моей жизни.

Я был вдохновлен „Манифестом“ и тотчас же решил его перевести на русский язык. Когда я сообщил о моем намерении Лаврову, он отнесся к нему равнодушно. „Конечно, следовало бы перевести „Манифест“,—сказал он,—но вы сделали бы лучше, если бы написали что-нибудь свое“. Я не торопился выступить сам и предпочел сначала перевести „Манифест“.

Теория Маркса, подобно Ариадниной нити, вывела нас из лабиринта противоречий, в которые запуталось наше мышление под влиянием Бакунина. В свете этой теории стало совершенно понятным, почему революционная пропаганда встречала у рабочих несравненно более сочувственный прием, чем у крестьян.

Самое развитие русского капитализма, которое не могло не волновать бакунистов, так как оно разрушало общину, приобретало теперь для нас значение новой гарантии успеха

революционного движения: оно означало количественный рост пролетариата и развитие его классового сознания.

Last not least: эта теория превращала в революционную заслугу борьбу за политические права и стремление к свержению абсолютизма, т.-е. то, что с точки зрения правоверного бакунизма являлось изменой революции.

Эта теория указывала также, какие условия необходимы для успешности борьбы. Она показывала, что абсолютизм только тогда обречен будет на смерть, когда направленное против него движение превратится в классовое движение пролетариата, которое будет поддержано также более или менее движением других классов или слоев, выдвинутых ходом экономического развития на общественную арену. Таковы были те выводы, которые я изложил в вышеупомянутой брошюре „Социализм и политическая борьба“, эпиграфом для которой я взял слова „Коммунистического Манифеста“, — „всякая классовая борьба есть борьба политическая“.

У меня нет ни желания, ни возможности рассказывать здесь подробно о том, каким ожесточенным нападкам подвергались тогда наши социал-демократические ереси. Я хочу лишь указать на то, что П. Л. Лавров выражал свое недовольство ими, и что Л. Тихомиров (в женевском органе—„Вестник Народной Воли“, 1884 г.) высказывал всяческие подозрения относительно наших идей, стараясь представить их, как примирение с существующим строем. На нападки Лаврова и Тихомирова я ответил своей книгой: „Наши разногласия“ в которой подверг анализу экономические отношения России на основании доступных тогда статистических данных и доказывал, что развитие капитализма в России, которое так пугало наших противников, является не делом более или менее проблематического будущего, что оно уже происходит в настоящее время и неизбежно принимает все более широкие размеры.

Наши противники не могли ничего возразить против наших экономических и статистических доводов; поэтому они с тем большим жаром кричали о нашей готовности поступить на службу к капитализму.

Дон-Базиль говорит у Бомарше: „Клеветайте, клеветайте: от клеветы всегда что-нибудь да останется“. От клеветы, которую,

главным образом, распространял против нас Тихомиров, надолго остался против нас предрассудок, что будто бы мы готовы были взять на себя роль прислужников капитала. Вплоть до середины девяностых годов это утверждение находило в „легальной“ литературе свое выражение в писаниях Н. Михайловского и его единомышленников. Один из них, С. Н. Кривенко, утверждал даже, что последовательным марксистам в России ничего больше не остается, как сделаться деревенскими ростовщиками или кабатчиками. Я вынужден был выступить против этих господ (под псевдонимом Бельтова) в моем сочинении „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю“, вышедшем сначала в Петербурге в 1895 году ¹⁾.

Если старые предрассудки революционеров упорно были против нас, зато вся экономическая и политическая действительность России была решительно за нас. Каждый новый шаг в развитии этой действительности доказывал правильность наших взглядов, и мы твердо держались за них, не давая ввести себя в заблуждение направленным против нас возражениям.

Впрочем, наши идеи очень скоро встретили сочувственный прием в России. Еще весной 1886 г. в Петербурге образовалась группа, поставившая своей задачей распространение социал-демократических идей в среде петербургских рабочих. Эта группа выпустила даже несколько номеров напечатанной в нелегальной типографии газеты „Рабочий“.

Группа эта состояла из так называемых интеллигентов. Одесские рабочие в 1887 году собрали между собой около 20 р. для поддержки наших изданий. Мы были глубочайшим образом тронуты этим взносом.

Вторая половина восьмидесятых годов все же была периодом упадка революционного движения, энергия которого была исчерпана напряженностью предыдущего десятилетия. По этой причине наши идеи, несмотря на единичные успехи, должны были пройти через известный подготовительный период, который затянулся до самого начала 90-х годов. Голод 1891 года послужил сигналом для нового подъема революционного движения. И только тогда стало ясно, какое широкое распространение нашли себе

---

¹⁾ Под „монистическим“ взглядом на историю я понимал исторический материализм, который я, однако, не хотел назвать своим именем, чтобы не дразнить цензуру.

наши идеи за время этого подготовительного периода. Я мог бы указать на целый ряд образовавшихся тогда групп „народовольцев“, которые в своих писаниях к ужасу „старых народовольцев“ дословно повторяли наши взгляды. О рабочих и говорить не приходится: классово-сознательные элементы их безоговорочно шли под знамя социал-демократии¹⁾. Мы вполне могли воскликнуть вместе с Гамлетом: „А, bravo, крот! Как решишься ты быстро под землей!“.

Своеобразие нашей истории последнего времени заключалось в том, что даже европеизирование идей нашей буржуазии происходило под флагом марксизма. Идеологи прогрессивной буржуазии, с П. Струве во главе, некоторое время рядом с нами боролись с публицистами народничества. В борьбе с народниками, которые к этому времени пришли в плачевное состояние, потеряли всякий революционный облик, идеи Маркса были решающим оружием. Поэтому ими пользовались не только идеологи пролетариата, но и идеологи буржуазии. Между тем, последним теория Маркса нужна была только для борьбы с народниками. Как только эта борьба была закончена, буржуазные публицисты поспешили отречься от учения Маркса. В нашей „легальной“ литературе началась „ревизия“ марксизма, которая зашла у нас дальше, чем где бы то ни было.

Эта „ревизия“, разумеется, несколько не удивила и не огорчила нас. Нам достаточно того, что социал-демократическое знамя стало в настоящее время знаменем всех классово-сознательных элементов русского пролетариата и что события 1905—1906 г.г. полностью подтвердили правильность того нашего убеждения, которое я еще в 1889 году, на парижском международном конгрессе, выразил словами: „Революционное движение в России победит только как движение рабочих, или совсем не победит“. В настоящее время банальные, опровергнутые народнические догмы не сбывают больше с истинного пути русских рабочих. Рабочие теперь понимают в общем и целом стоящие перед ними социально-политические задачи. Этим пониманием они в значительной степени обязаны теории и практике рабочего движения.

„Vorwärts“ № 76 от 31 марта 1909 г.

Г. Плеханов.

¹⁾ Считаю своим долгом отметить здесь, что для распространения социал-демократических идей особенно много было сделано еврейскими рабочими.

СОДЕРЖАНИЕ:

	<i>Стр.</i>
<i>Д. Рязанов.</i> —Вступительные замечания к письмам и статьям Энгельса и Плеханова	3
<i>Ф. Этельс.</i> —Письмо матери	7
" Письмо к французским товарищам	9
" Политическое положение Европы	11
<hr style="width: 20%; margin: 10px auto;"/>	
<i>В. Невский.</i> —Хорошие работы естественников и нехорошие выводы из них	19
<i>К. Милонов.</i> —Конкретность истины	31
<i>А. Говоров.</i> —Философские взгляды Прудона	54
<i>А. Болотников.</i> —Русское издание франц. материал. XVIII в.	78
<hr style="width: 20%; margin: 10px auto;"/>	
<i>Г. В. Плеханов.</i> —Конгрессу германской с.-д.	92 ✓
" Хороший урожай в России	94 ✓
" Правительство Александра III	97 ✓
" О 1 мая	106
" Начало социал-демократического движения в России	107
" К вопросу о русском движении	116 ✓
<hr style="width: 20%; margin: 10px auto;"/>	
<i>Г. В. Плеханов.</i> —Два письма к Энгельсу	122
<hr style="width: 20%; margin: 10px auto;"/>	
<i>В. Валааня.</i> —Несколько соображений о „пролетарской культуре“	126
<i>В. Фриче.</i> —Зигмунд Фрейд и Леонардо Да-Винчи	160
<i>Г. Якубовский.</i> —Диалектика художественного образа	169
<i>В. Румий.</i> —А. А. Богданов и богдановцы об искусстве	201
<hr style="width: 20%; margin: 10px auto;"/>	
<i>Г. Зайдель.</i> —„Конструктивное“ убожество	251
<hr style="width: 20%; margin: 10px auto;"/>	
Полемика.	
<i>И. Луптол.</i> —Несколько слов об иррацион. методе в истории философии.	270
<i>И. Орлов.</i> —О принципе научного объяснения явлений	277
<i>Материалист.</i> —Больше ясности, маэстро!	294

А. Варьяш.—По поводу одного „новейшего переворота“	297
К. Милонов.—О неудаче, о производительных силах, о „лагере“, об- скурантах и о законах, а также о Канте Гегеле и т. Варьяше	317
Г. Баммель.—Ответ А. Варьяшу	323

Письма в редакцию.

П. Маслов.—Необходимые поправки	329
В. В-ян—Два слова в ответ	330